

УДК 81`23

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА В СКАЗКЕ

С.И. Синяева

*Аспирант кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации
e-mail: svetasin@yahoo.com*

Курский государственный университет

В рамках данной статьи рассматривается пространственная картина мира в авторских сказках «Чёрная курица, или Подземные жители» А. Погорельского и «Городок в табакерке» В.Ф. Одоевского, которая находит своё выражение через языковые и экстралингвистические средства. Сказки как неисчерпаемый источник информации даёт возможность автору создать не только культурно-исторический сюжет, но и проявить авторское начало пространства сказки экстралингвистическими факторами. Лингвистический анализ репрезентации пространства сказки показал легкость в описании пространственного компонента, ловкое сочетание вымысла и реальности. Раскрытие авторской составляющей находит свое отражение в использовании экстралингвистических средств, используя которые автор вступает в своеобразный диалог с читателем при изображении своего мира с его деталями и проблематикой.

***Ключевые слова:** сказка, пространство, пространственная картина мира, коммуникация, лингвистические средства, экстралингвистические средства.*

Введение

Пространство выступает одним из тех проявлений реальности, благодаря которой человек познает себя и окружающий мир. Согласно многочисленным результатам исследований, пространственные представления составляют основу формирования фундаментальных категорий, что свидетельствует о важности пространства в процессе восприятия мира человеком. Восприятие и понимание многообразия пространственных отношений реального мира как средства получения индивидом знаний, их объективизация и сохранение, становятся доступным через различные средства выражения – живопись, танцы, тексты – вербальные, музыкальные, архитектурные, художественные. В рамках данной статьи остановимся на сказочных текстах, через сложную пространственную структуру которых возможно изучить особенности пространственной репрезентации в тексте.

Как популярная художественная форма, сказка отличается глубиной идей и богатством содержания. Погружая читателя в образные реалистичные и фантастические миры, сказка даёт возможность познакомиться с культурно-историческими особенностями эпохи её создания и целостным отражением бытия человека в мире и культуре.

Новейшие концепции, возникшие в результате привлечения в лингвистическую науку данных из психологии, культурологии и других наук, позволяют рассматривать категорию пространства и тексты сказок как сложную систему, играющую важную роль в формировании мышления человека, в репрезентации сущностных характеристик бытия мира. Погружаясь в пространство сказки, в вымышленный мир автора, читатель оказывается в месте, где рождаются и развиваются персонажи и где они отправляются в фантастическое или реалистическое путешествие, но обязательно с элементами волшебства. В процессе визуализации событий реципиент чувствует эмоции героев и чувствует себя частью волшебного пространства. Магический мир состоит из множества элементов, которые погружают читателя в фантастический сюжет, но это становится возможным только благодаря мастерству автора, что отражается в использовании вербальных и невербальных средств репрезентации пространства, участвующих в процессе создания особой атмосферы и настроения пространства сказки. Проблема отражения пространственной картины мира автором художественного произведения привлекает внимание многих исследователей [Бахтин 1986; Юнг 1991; Леонтьев 2003 и др.], так как она складывается из тех языковых особенностей текста, которые составляют авторскую принадлежность, что делает её уникальной [Виноградов 1971]. Изучением теоретического аспекта отражения личности автора в произведениях занимались В.В. Виноградов [1963], Д.С. Лихачев [Лихачев 1968], И.Р. Гальперин [Гальперин 1981], в последнее десятилетие данной проблемой занимаются Н.Н. Акимова [Акимова 2003], А.Д. Степанов [Степанов 2005], О.Е. Оссовский [Оссовский 1997], Л.О. Бутакова [Бутакова 2001] и другие. Намеченный круг проблем усложняется процессом восприятия произведения, так как прочтение сказочного текста выступает одним из способов трансляции смыслов, коммуникацией автора и реципиента, что делает исследование актуальным.

Материалы и методы

В рамках данной статьи остановимся на особенностях репрезентации пространственной картины мира писателей XIX века, А. Погорельского и В.Ф. Одоевского, соединивших мир детства и мир сказки. Фантастическая литературная сказка «Черная курица, или Подземные жители» А. Погорельского и научно-художественная сказка «Городок в Табакерке» В.Ф. Одоевского представляются репрезентативными для понимания индивидуального пространства художественного текста. Творчество данных писателей приравнивают к развитию детской литературы в золотом веке художественной литературы, которая изначально была представлена немногочисленными произведениями, но с появлением новых авторов, неповторимость детского мира была противопоставлена

материальному миру взрослых. Содержательная сторона отображения пространства в данных произведениях служит материалом к анализу выражения категории пространства в попытке проследить, как авторы создают многогранную пространственную картину с помощью лингвистических и экстралингвистических средств.

Результаты

В «Черной курице, или Подземных жителей» автор погружает читателей в Петербург конца XIX века, рассказывая о жизни воспитанника мужского пансиона Алёши. Повествование передается через яркие детские воспоминания. Плавный переход Алёши из реального мира в волшебный создается А. Погорельским с помощью реалистических предметов и бытовых подробностях в сказочных эпизодах. Путешествие Алёши в подземный город началось задолго до появления Чернушки: когда Алёша оставался один в пансионе, единственным утешением было чтение книг о деяниях славнейших рыцарей, которые переносили его в старинные века: *«юное воображение бродило по рыцарским замкам, по страшным развалинам или по тёмным, дремучим лесам»* [Погорельский 2021: 2]. Живя вдали от своих родителей, Алёша ждал, что *«какая-нибудь добрая волшебница явится в переулке и сквозь дырочку подаст ему игрушку, или талисман»*, но *«письмеца от папеньки или маменьки»* не было, и Алёша знакомится с чёрной хохлатой курочкой Чернушкой, которая жила на заднем дворе пансиона. Тихий нрав курицы расположил мальчика к себе, и он без страха отправился за ней в таинственное путешествие в подземный город: *«И он смело последовал за ней»* [Там же: 8].

Любознательность главного героя Миши также прослеживается в «Городке в табакерке» В.Ф. Одоевского. Отправляясь с Мишей в волшебное путешествие в городок в табакерке, выступающий своеобразной микромоделью мира, читатель получает важный урок о закономерностях общественного устройства. Ненавязчивая мораль сказки строится на живой авторской интонации. Повествование начинается с описания музыкальной шкатулки: *«Какая прекрасная табакерка! Пестренькая, из черепахи. А на крышке-то! Ворота, башенки, домик. <...> а за деревьями встает солнышко, а от него розовые лучи расходятся по всему небу»* [Одоевский 1993: 12]. Незаметно засыпая под мелодичный звон колокольчиков, Миша видит сон об ожившем музыкальном городке со всеми его жителями: *«Между тем музыка играет да играет <...> внизу табакерки отворяется дверца, и из дверцы выбегает мальчик... и манит к себе Мишу»* [Там же: 13]. Автор отсылает читателя к идеальному представлению о городе-граде с совершенным обществом: *«Что за улицы! Что за городок! <....> А домики-то...»* [Там же: 14]. Продолжая использовать архитектурное пространство города,

автор переносит главного героя в «иной» мир через свод, «сделанный из пестрой тисненой бумажки с золотыми краями» [Там же: 13].

Как видим, сказки В.Ф. Одоевского и А. Погорельского основываются на переплетении фантастического и реального интереса к действительности. Соединение таинственного с реалистичным изображением быта делает их произведения привлекательными не только для читателей, но и для исследователей, занимающихся изучением семантики текста. Сказки, с точки зрения закодированной информации посредством различных языковых средств, представляют собой источник взаимодействия единиц текста разного уровня, отражающих намерения автора и его картину мира.

Обсуждение результатов

Рассмотрение репрезентации пространства в авторской сказке неслучайно, так как данная категория выступает одной из базовых когнитивных категорий и важнейших составляющих сказочной картины мира, которая отражает не только визуальное пространство текста, но и созданный автором первоначальный замысел, отправляя читателя в творческое пространство мысли автора. Придерживаясь мнения Р.О. Якобсона [Якобсон 1987: 84], считаем, что отличительной чертой письменного текста выступает визуальность, так как «для зрительных знаков важнее пространственное измерение», что позволяет читателю «путешествовать» по книге беспрепятственно, анализируя лексику текста, различного рода конструкции и лингвистические феномены. Перемещение по пространству текста является результатом сознания реципиента, которое формируется в силу его индивидуальных особенностей. Таким образом, визуальное пространство текста формирует текстовую пространственность, ту невидимую оболочку пространства текста, которая подлежит исследованию. Нас интересует опосредованная коммуникация реципиента и автора, когда последний выступает носителем идейной концепции художественного произведения.

Художественное произведение – это отражение объективной реальности и индивидуального отношения, выраженные в уникальной авторской форме. Неповторимая личность автора проявляется в сюжете нарративных произведений, раскрывающих авторскую концепцию действительности в повествовании. Как отмечает А.И. Новиков, «содержание текста – семантический компонент, который возникает в мышлении автора в соответствии с замыслом, целями и условиями коммуникации. В мышлении он представляет собой единое целостное образование, поскольку базируется на системе отношений, сформированных в интеллекте человека в его прошлом опыте» [Новиков 1982: 13]. Используя художественные образы, автор раскрывает

дидактический, культурно-эстетический тон произведения, утверждая свою систему ценностей.

Обратимся к индивидуально-авторской реализации пространства на примере указанных произведений. Оба произведения начинаются с описания места повествования: *«Лет сорок тому назад в С.-Петербурге, на Васильевском острове, в Первой линии..»* [Погорельский 2021: 1], *«Папенька поставил на стол табакерку. «Поди-ка сюда, Миша, посмотри-ка»...»* [Одоевский 1993: 1]. Согласно понятию, используемому Н.Д. Арутюновой и И.М. Кобозевой, авторы для описания реального пространства применяют *«кадр»*, который фиксирует действительность такой, какая она есть [Арутюнова 1999; Кобозева 2000].

В процессе создания волшебного мира пространство наделяется теми свойствами и функциями, которые необходимы автору для воплощения своей идеи, следовательно, в пространстве сказки присутствует высокая степень символизма. Обращаясь к историческим данным, девятнадцатый век в России был расцветом масонских тайных сообществ, стремившихся к абсолютному знанию, и А. Погорельский был масоном высокой восьмой степени посвящения. На основании этого смеем предположить, что подземное королевство в *«Чёрной курице, или Подземные жители»* было прообразом тайного общества, членом которого стал Алёша – чтобы вступить в него, заплатив золотом и пройдя некоторые испытания, он получает секретные знания, но навлекает беду на себя и на других, нарушив обет молчания.

Динамичность художественного произведения обладает преимуществами, которыми пользуется автор при переходе от одной картины к другой, *«легко перенося читателя в разные места»* [Хализев 2005: 87]. Оперируя словесными обозначениями, А. Погорельский *«отражает в создаваемом им произведении реальному ряду свой, перцептуальный, творит и новое – концептуальное – пространство, которое становится формой осуществления авторской идеи»* [Хализев 2005: 77]: *«он немного приподнялся в постели <...> он вскоре совсем был одет <...> Алёша в первой комнате увидел всякого рода старинные мебели <...> они вошли во вторую комнату <...> они спустились вниз по лестнице, как будто в погреб, и долго-долго шли по разным переходам и коридорам <...> когда пришёл в себя, он лежал в своей постели»* [Погорельский 2005: 10]. По пути в подземное царство, Алёша видит, как курица Чернушка увеличивается в размерах, освещает ему путь и держит удар двух рыцарей. Символизм превращений Чернушки видится в образе Василиска, чудища античных времен, символа верховной власти. А.Погорельский раскрыл образ Чернушки и через масонский атрибут «свет», который исходит из её глаз, освещая путь Алёши как лучи.

Что касается *«Городка в табакерке»*, новаторские идеи писателя позволили посмотреть на привычные явления жизни по-другому.

Образность языка произведения вовлекает читателя не только в сказочный мир музыкальной табакерки, но и знакомит с механизмом её работы – познавательный материал описан в занимательной форме, в сочетании научных сведений и волшебства. Сюжет сказки строится с момента вручения Мише, главному герою, отцом музыкальной шкатулки. Заинтересовавшись внутренним устройством шкатулки, мальчик переносится во время сна внутрь игрушки, попадая в целый городок со своими жителями – мальчиками-колокольчиками, дядьками-молоточками, валиком и центром городка, царевной Пружинкой. Мир табакерки описывается В.Ф. Одоевским как основы механики, через ворота и дорогу к механизму табакерки: *«Тут Миша заметил, что над ними был свод <...> Перед ними был другой свод, только поменьше; потом третий, ещё меньше; четвёртый...»* [Одоевский 1993: 4], *«Вот перед ним ещё дверцы; они отворились, и Миша очутился на улице!»* [Там же: 4], но параллельно и как вход в зазеркалье, где индивидуальность каждого жителя городка проявляется во внешнем облике, в поведении и речи: *«...под каждую крышкой сидит мальчик-колокольчик с золотой головкою, в серебряной юбочке, и много их, много и все мал мала меньше»* [Там же: 5], *«дядьки-молоточки... уж какие злые! то и дело то ходят по городу да нас постукивают»* [Там же: 5], *«а это господин Валик...он в самом деле лежит на диване, в халате и с боку на бок переворачивается, только все лицом кверху»* [Там же: 5], *«<...> под шатром лежит царевна Пружинка и, как змейка, то свернётся, то развернётся и беспрестанно надзирателя под бок толкает»* [Там же: 6].

Путешествуя внутри табакерки, очарованный сводами *«из пёстрой тиснёной бумажки с золотыми краями»*, мостовой, *«вымощенной перламутром»*, *«пёстреньким, черепаховым»* небом, по которому ходит *«золотое солнышко»*, *«стальными»* домиками с *«крытыми разноцветными раковинками»*, *«золотым шатром с жемчужною бахромою»*, Миша знакомится с механизмом работы шкатулки, что выступает олицетворением общества. Выполнение своих задач приводит к порядку и гармонии, а выход из строя – к бедствиям: *«Кабы я валик не толкала, валик бы не вертелся; кабы валик не вертелся, то он за молоточком бы не цеплялся, молоточки бы не стучали; кабы молоточки не стучали, колокольчики бы не звенели; кабы колокольчики не звенели, и музыки бы не было!»* [Там же: 6].

Отношение В.Ф. Одоевского к устройству человеческого общества, взаимосвязи людей и их обязанностей, важности каждого человека и общего дела, представлены в рамочной композиции пространства сказки – сказочный сюжет строится внутри реалистичной истории. Уделяя большое внимание внутреннему миру человека и познанию им общества, автор говорит о сложных вещах простым и убедительным языком, ловко используя научный материал посредством детской фантазии: *«Эта*

простота конструкции направлена на то, чтобы сделать интерпретацию для восприятия дискурса сказки более доступной, а краткость излагаемой истории подтверждает её эффективность» [Зубкова 2020: 100].

Переноса читателей в чудесный мир, прослеживается определённая линейность: дружба с волшебной черной курицей стала причиной необычных приключений Алеши, а любознательность Миши отправляет его в мир табакерки, где он знакомится с её жителями и узнает много нового об устройстве мира, а также о труде, лени и справедливости. Переходы из реального в волшебный мир возможно заключается в том, «чтобы восстановить баланс, потерянный в вынужденных приключениях, из которых главный герой извлекает определённые уроки» [Зубкова 2020: 100].

Заключение

В настоящее время отражение пространственной картины мира в художественных произведениях вызывает ряд вопросов в языкознании, так как текст, являясь материальным объектом, требует тщательного исследования всего его компонентов, раскрывающие себя на внешних и внутренних уровнях по-разному. Уникальность и динамичность художественной литературы неизбежно влияет как на автора, так и на реципиента. Отталкиваясь от определения Л.С. Выготского, считаем художественным произведением «совокупность эстетических знаков, направленных к тому, чтобы возбудить в людях эмоции» [Выготский 2008: 8]. Таким образом, одной из актуальных проблем, которая может возникнуть во время прочтения художественной литературы, является проблема восприятия и понимания «мира» автора внутри того или иного произведения. Литературные образы автора наделяют художественное пространство символическими свойствами и функциями, которые необходимы автору, что делает пространство произведения особой моделью отражения действительности творческого человека. Та коммуникация, которая возникает между автором и читателем, опирается на неограниченный арсенал лингвистических и экстралингвистических средств.

Как показал краткий анализ двух сказок русской литературы XIX века, мир детства и мир сказки соединяет в себе как фантастические, так и реалистические направления с дидактическим началом. В.Ф. Одоевский и А. Погорельский проявили себя как писатели реалистического начала, по нашему мнению, сумев в естественном слиянии фантастического и реального раскрыть психологический образ ребенка и мира в целом. Легкость произведения достигается переходом через мир мечты и наивных фантазий в сложный мир чувств и ответственности за свои дела. Оживляя сказочный мир подземного города и музыкальной шкатулки, авторы искусно сочетают реальное с

волшебным. Стоит отметить элемент возможной деформации художественных образов авторов в процессе восприятия и понимания, поскольку литературно-художественные образы пространства имеют психолого-когнитивные основания, которые воплощают объективное/субъективное видение автора о совершающемся событии, «основанном на вербальной проекции социально-культурного опыта» [Зубкова 2008: 134]. Нами была выбрана сказка как инструмент передачи пространства, так как она выступает уникальным повествованием действительности с элементами вымысла. Авторы, моделируя пространство в сказке, описали картину мира, пропущенную через индивидуальное начало. Индивидуальная способность автора использовать различные вербальные и невербальные средства с целью отражения своей концепции накладывает отпечаток на восприятие и интерпретацию художественных образов реципиентами.

Библиографический список

Акимова Н.Н. Авторские стратегии Ф. Булгарина в литературном контексте первой трети XIX века // Известия Рос. гос. пед. ун-та. СПб., 2003. Т. 3. № 5. С. 149-161.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки рус. культуры 1999. XV. 896 с.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 1986. 444 с.

Бутакова Л.О. Авторское сознание как базовая категория текста: когнитивный аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2001. 39 с.

Виноградов В.В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. 239 с.

Виноградов В.В. Стилистика, теория поэтической речи, поэтика [Текст] / В.В. Виноградов. М.: Наука, 1963. 256 с.

Выготский Л.С. Мышление и речь: сборник. Москва: АСТ: Хранитель, 2008. 668 с.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 140 с.

Зубкова О.С. Медицинская метафора как результат культурной фиксации в медицинской терминологии // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С.Пушкина. 2008. Т.1 №5(19). С. 127-135.

Зубкова О.С. Некоторые особенности репрезентации дискурса сказки // Теория языка и межкультурной коммуникации. КГУ, 2020. С. 99-103 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3523/ (дата обращения: 15.06.2023 г.).

Кобозева И.М. Грамматика описания пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки рус. культуры, 2000. С. 152-162.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. Изд-е 3-е. М.-СПб.: Смысл; Лань, 2003. 287 с.

Лихачев Д.С. Внутренний мир литературного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74-87.

Новиков А.И. Лингвистические и экстралингвистические элементы семантики текста // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М.: Наука, 1982. 192 с.

Одоевский В.Ф. Сказки бабушки Ирины. М.: Худ. лит, 1993. 63 с.

Осовский О.Е. Диалог в большом времени: литературоведческая концепция М. М. Бахтина. Саранск: [б. и.], 1997. 192 с.

Погорельский А. Черная курица, или Подземные жители. М.: Азбука, 2021. 64 с.

Степанов А.Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры, 2005. 400 с.

Хализев В.Е. Ценностные ориентации русской классики. М.: «Гнозис», 2005. 432 с.

Юнг К.Г. Подход к бессознательному // Архетип и символ. М., Ренессанс, 1991. 297 с.

Якобсон Р.О. Работа по поэтике. Москва: Прогресс, 1987. 460 с.

References

Akimova N.N. Avtorskie strategii F. Bulgarina v literaturnom kontekste pervoi treti XIX veka // Izvestiya Ros. gos. ped. un-ta. SPb., 2003. T. 3. № 5. S. 149-161.

Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka. M.: Yazyki rus. kul'tury 1999. XV, 896 s.

Bakhtin M.M. Ehstetika slovesnogo tvorchestva. Moskva: Iskusstvo, 1986. 444 s.

Butakova L.O. Avtorskoe soznanie kak bazovaya kategoriya teksta: kognitivnyi aspekt: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Barnaul, 2001. 39 s.

Gal'perin I.R. Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya. M.: Nauka, 1981. 140 s.

Khalizev V.E. Tsenostnye orientatsii russkoi klassiki. M.: «GnoziS», 2005. 432 s.

Kobozeva I.M. Grammatika opisaniya prostranstva // Logicheskii analiz yazyka Yazyki prostranstv. M.: Yazyki rus. kul'tury, 2000. S. 152-162.

Leont'ev A.A. Osnovy psikholingvistiki. Izd-e 3-e. M.-SPb.: Smysl; Lan', 2003. 287 s.

Likhachev D.S. Vnutrennii mir literaturnogo proizvedeniya [Tekst] / D.S. Likhachev // Voprosy literatury. 1968. № 8. S. 74-87.

Novikov A.I. Lingvisticheskie i ehkstralingvisticheskie ehlementy semantiki teksta // Aspekty obshchei i chastnoi lingvisticheskoi teorii teksta. M.: Nauka, 1982, 192 s.

Odoevskii V.F. Skazki dedushki Irineya. M.: Khud. lit, 1993. 63 s.

Osovskii O. E. Dialog v bol'shom vremeni: literaturovedcheskaya kontseptsiya M. M. Bakhtina. Saransk: [b. i.], 1997. 192 s.

Pogorel'skii A. Chernaya kuritsa, ili Podzemnye zhiteli. M.: Azbuka, 2021. 64 s.

Stepanov A.D. Problemy kommunikatsii u Chekhova. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2005. 400 s.

Vinogradov V.V. O teorii khudozhestvennoj rechi. M.: Vysshaya shkola, 1971. 239 s.

Vinogradov V.V. Stilistika, teoriya poehticheskoi rechi, poehtika [Tekst] / V.V. Vinogradov. M.: Nauka, 1963. 256 s.

Vygotskii L.S. Myshlenie i rech': sbornik. Moskva: AST: Khranitel', 2008. 668 s.

Yakobson R.O. Rabota po poehtike. Moskva: Progress, 1987. 460 s.

Yung K.G. Podkhod k bessoznatel'nomu // Arkhetip i simvol. M., Renessans, 1991. 297 s.

Zubkova O.S. Meditsinskaya metafora kak rezul'tat kul'turnoi fiksatsii v meditsinskoj terminologii // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S.Pushkina. 2008. T.1 №5 (19). S. 127-135.

Zubkova O.S. Nekotorye osobennosti reprezentatsii diskursa skazki // Teoriya yazyka i mezhkul'turnoi kommunikatsii. KGU, 2020. S. 99-103.